

Протоиерей Кирилл КРАСНОЩЕКОВ,
кандидат богословия,
старший преподаватель СПДС

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ В САРАТОВСКОЙ ЕПАРХИИ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

«Преступная смута, внесенная в жизнь Русской Православной Церкви так называемыми живоцерковниками, по своему внутреннему ничтожеству представляет собой явление, не имеющее реального значения для истории Церкви. Реален, однако, тот значительный вред, который она причинила Православной Церкви. Только значительностью этого вреда она и вошла в историю Церкви»¹, — пишет очевидец тех событий, активный церковный деятель Саратова Александр Александрович Соловьев. Значительность вреда, принесенного Церкви обновленчеством, заставляет и меня снова обратиться к этой теме. В предыдущих статьях мною рассматривались истоки обновленчества, связь раскола с голодом в Саратовском Поволжье, отдельные эпизоды сопротивления расколу².

---

¹ Саратовская епархия в 1917–1930 гг. Мемориальная записка А. А. Соловьева [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://pstgu.ru/download/1294750610.pub3.pdf> (дата обращения: 16.12.2017).

² См.: Краснощеклов К., *свящ.*, Голод 1921–22 годов в Саратовском Поволжье и зарождение обновленческого раскола // Труды СПДС. Вып. 1. Саратов, 2007; *Он же.* Модернистские тенденции в РПЦ в начале XX века // Труды СПДС. Вып. 4. Саратов, 2010; *Он же.* Сопротивление обновленческому расколу насельников и прихожан Спасо-Преображенского мужского монастыря г. Саратова // Труды СПДС. Вып. 6. Саратов, 2012.

Эта работа посвящена водворению раскольников в Саратовской епархии и сопротивлению расколу со стороны православных верующих.

Новизна статьи состоит в том, что в ней вводятся в научный оборот материалы из недавно рассекреченного дела Р-521 Оп. 4. Д. 26 из фондов ГАСО (содержащего материалы переписки Саратовского губернского исполнительного комитета и саратовских обновленцев), мемориальной записки А. А. Соловьева «Саратовская епархия в 1917–1930 гг.» (очевидца и одного из главных участников описываемых событий), архивно-следственных дел ОФ 23478 и ОФ 10269 из архива УФСБ по Саратовской области.

Вначале немного предыстории. Как известно, 12, 16 и 18 мая 1922 года группа раскольников в сопровождении работников ГПУ имела три свидания с находившимся под домашним арестом Патриархом Тихоном. В официальном органе обновленцев — журнале «Живая Церковь» — сообщалось, что в беседе с Патриархом ему ставилось в вину вовлечение Церкви в контрреволюционную политику. «Указав на то, что под водительством патриарха Тихона церковь переживает состояние полной анархии, что всей своей контрреволюционной политикой и, в частности, борьбой против изъятия ценностей она подорвала свой авторитет и всякое влияние на широкие массы, группа духовенства требовала от патриарха немедленного созыва для устроения церкви поместного Собора и полного отстранения патриарха до соборного решения от управления церковью»³. В результате беседы Патриарх Тихон подписал документ, в котором временно, на время заключения, передавал власть одному из митрополитов — Вениамину Петроградскому или Агафангелу Ярославскому.

---

³ *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 68–69.

Итак, «беседа» с Патриархом не дала больших результатов: временный отход от дел и назначение верного заместителя — это не совсем то, на что надеялись обновленцы. Но временное безвластие (ни одного из назначенных в заместители митрополитов в Москве не было) создавало возможность для оформления нового правящего центра. На другой день, 19 мая 1922 года, появляется воззвание «Верующим сынам Православной Церкви России» — первый документ, подписанный совместно московскими, петроградскими и саратовскими обновленцами и являющийся программным для «Живой Церкви». В своем воззвании обновленцы осудили «иерархов и пастырей, виновных в организации противодействия государственной власти по оказанию ею помощи голодающим и в ее других начинаниях на благо трудящихся», а также заявили, что «считают необходимым немедленный созыв Поместного Собора для суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса об управлении церковью и об установлении нормальных отношений между нею и Советской властью»⁴.

Одновременно было сформировано новое обновленческое Высшее церковное управление. Так родилась на свет новая церковная власть, признанная частью верующих. Церковный раскол в этот день стал фактом.

В Саратове, как и в Москве, обновленцы тоже воспользовались временным безвластием — на епископа Досифея 1 июня 1922 года был наложен домашний арест со строгой изоляцией. В апреле 1922 года он был привлечен к следствию, начатому Саратовским губотделом ГПУ. Дело возникло в связи с тем, что ГубЧК была перехвачена посланная епископом Досифеем Патриарху Тихону в апреле 1921 года по почте апелляционная жалоба С. М. Казакова

---

⁴ Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Кн. 1. М., 1995. С. 193–195.

по его бракоразводному делу. Материалы перехваченной корреспонденции свидетельствовали о том, что образованная при Преосвященном Досифее канцелярия ведет следствие по бракоразводным делам, выдает свидетельства «о снятии церковного благословения», налагает покаянные епитимьи и взимает денежный сбор. Это дало повод ГПУ обвинить епископа Досифея и сотрудников его канцелярии в нарушении Декрета об отделении Церкви от государства, а также циркуляра Наркомюста от 18 мая 1920 года, объявляющих в Советской России имеющими юридическую силу только гражданский брак и гражданскую метрику.

В процессе следствия добавились и политические обвинения. 9 июня 1922 года епископ Досифей был обвинен в «умышленном отмалчивании в процессе изъятия церковных ценностей, в противной информации о таковом подведомственного ему духовенства, в солидарности с контрреволюционным воззванием Патриарха и в неадекватности руководящих нитей по епархии в пользу изъятия»⁵. К следствию в качестве обвиняемых были привлечены также: протоиерей Виноградов Михаил Николаевич, Златорунский Николай Васильевич, протоиерей Коноплев Николай Алексеевич, священник Протасов Михаил Алексеевич, священник Быстренин Валентин Никандрович, священник Несмелов Александр Васильевич, Рождественский Павел Ефимович. Допрашивались епископ Вольский Иов (Рогожин) и епископ Уральский и Покровский Тихон (Оболенский). После 15 июня семь обвиняемых были освобождены под подписку о невыезде, а епископ Досифей 17 июня был помещен в Саратовский губисправдом. Всех подследственных было решено привлечь к ответственности через Саратовский губернский ревтрибунал.

⁵ Архив УФСБ по Саратовской области. ОФ 23478. Л. 324 об.

После ареста епископа Досифея было организовано Церковное управление Саратовской епархии. 8 июня 1922 года епископ Вольский Иов (Рогожин) и протоиерей Николай Русанов от лица этого органа обратились в губисполком с просьбой о передаче им дел канцелярии епископа Досифея⁶. Вступление в управление епархией епископа Иова вполне понятно. Он как первый викарий был обязан это сделать. Как рядом с ним оказался лидер саратовских обновленцев протоиерей Николай Русанов, не совсем ясно. Либо тоже по должности настоятеля кафедрального собора, либо по условию ОГПУ⁷. Впрочем, дуумвират оказался недолгим.

3 июля 1922 года протоиереем Н. Русановым от обновленческого ВЦУ был получен мандат № 338 на проведение собрания группы «Живая Церковь» совместно с представителями города Петровска. На собрании, состоявшемся 11 июля, постановили избрать «Временное Управление Саратовской Церкви» в составе: Председатель Управле-

⁶ См.: Архив УФСБ по Саратовской области. ОФ 23478. Л. 282.

⁷ Впоследствии Первый Всероссийский съезд наиболее агрессивного обновленческого течения — «Живой Церкви», который проходил с 6 по 17 августа 1922 г. в Москве, избрал протоиерея Николая Русанова епископом Казанским. Уже после съезда глава «Живой Церкви» В. Д. Красницкий предложил ему место епископа в Москве. Однако моральная нечистоплотность Красницкого, его почти демонстративная связь с ОГПУ претили Русанову, который покинул Москву и возвратился в Саратов. Только после того, как «Живая Церковь» потерпела полное фиаско, Николай Русанов счел возможным принять архиерейский сан (без пострижения в монашество). В 1926 г. он получил от первоиерарха обновленческой церкви митрополита Вениамина хиротонию во епископа Рыбинского, затем занимал Острогожскую, Тобольскую и Бузулукскую кафедры. С 1930 г. на покое, проживал в Ленинграде, где и скончался в 1933 г. См.: *Воробьев М., свящ.* Православное краеведение: Исторические очерки. М., 2002. С. 176; *Мануил (Лемешевский), митр.* Каталог русских архиереев-обновленцев // «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 868.

ния епископ Николай, — он же управляющий Саратовской епархией, протоиерей Русанов, протоиерей Ледовский, протоиерей Поспелов, священник Данилов, священник Гальянов. Епископ Иов объявляется собранием уволенным от управления епархией, о чем и сообщается Губисполкому для сведения и уведомления о том, что в настоящее время никаких собраний духовенства и мирян не может быть без ведома Временного Саратовского Управления. При сем сообщается, что епископ Иов отказывается выдать епархиальную печать и посему печать эта является недействительной, а действительной является печать епископа Николая⁸.

Таким образом, между 8 июня и 11 июля происходит разрыв отношений между епископом Иовом и протоиереем Н. Русановым, вызванный, конечно, неприятием обновленческого движения со стороны владыки. К решительным действиям протоиерей Н. Русанов переходит после получения мандата «уполномоченного» от обновленческого ВЦУ 3 июля 1922 года. Дело в том, что захват власти в РПЦ кучкой обновленческих священников был самой рискованной аферой, и, возможно, новое ВЦУ быстро кануло бы в Лету, если бы за дело не взялись их партнеры из ОГПУ. Церковными делами там заведовал Е. А. Тучков. Главным связующим звеном между Тучковым и обновленцами был лидер «Живой Церкви» священник В. Д. Красницкий, по инициативе которого был учрежден особый институт «уполномоченных ВЦУ», которые назначались фактически самим Красницким из священников-«живоцерковников», пользующихся доверием ГПУ, в тесном контакте с которым они действовали. Эти уполномоченные в кратчайший срок были разосланы во все епархии РПЦ и при содействии местных чекистов стали приводить непокорное духовенство к верности новой церковной власти.

⁸ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 1.

Следующим уполномоченным ВЦУ в Саратове стал священник Николай Коблов, «человек исключительной наглости, клеветник и пьяница. Склоняя саратовское духовенство к признанию “ВЦУ”, он не стеснялся в способах, из которых излюбленным была постоянная угроза, что все не признающие “ВЦУ” и являющиеся тем самым сторонниками Патриарха Тихона будут арестованы как противники советской власти»⁹.

⁹ Саратовская епархия в 1917–1930 гг. Мемориальная записка А. А. Соловьева. По данным А. А. Шишкина, в 1922 г. уполномоченный обновленческого ВЦУ протоиерей Николай Коблов учредил в Саратове «Пуританскую партию революционного духовенства и мирян» как левую фракцию «Живой Церкви». Партия носила универсальный характер и открывала свои двери христианам всех исповеданий, как признающих Христа за Богочеловека, так и не признающих.

«Идейной основой программы Пуританской партии был “христианский коммунизм”. Причем последний должен дополнять “коммунизм государственный”, т.е. церковь нравственно должна воспитывать человека и тем самым помогать Советской власти в строительстве социализма. Поэтому программа партии особо выдвигала задачу “перевоспитать человечество, привить ему здоровые религиозно-нравственные, или просто нравственные навыки, в силу которых должны уничтожиться все пороки, в настоящее время разъедающие и подтачивающие здоровье, как душевное, так и телесное”. Партия весьма кардинально решала вопрос о монашестве, расценивая его как суеверно-изуверскую секту, противную духу Христова учения. В программе предлагалось объявить монашество вне закона; монашеское духовенство должно сложить свои “клятвопреступные обеты” или безвредно (без пропаганды своего суеверия) доживать свой век. Рядовое же монашество должно быть объявлено ликвидированным и выселено из монастырей и обителей в принудительном порядке.

Пуританская партия требовала также упрощения богослужения до “древлеапостольской простоты”, но считала полезным проводить богослужения и в торжественной обстановке. Храмы, как и народные аудитории, должны являться школой религиозно-нравственной жизни с публичными в них диспутами. Партия выступала против принудительных сборов в храмах, но высказывалась за единую церковную кассу, пополняемую за счет добровольных пожертвований» (Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. Казань, 1970. С. 221–222).

После Саратова Коблов был уполномоченным ВЦУ в Петрограде. «ВЦУ дало ему широчайшие полномочия, и он стал фактически хозяином положения в епархии... Себя он предложил на должность настоятеля Казанского собора... Новый настоятель вызвал большое недоумение тем, что служил только однажды — утреню в день Пасхи... Прот. Коблов не бывал в алтаре. Он обычно стоял за свечным ящиком, или, как он его называл, “свечной выручкой”. Он так и говорил: “Мое место за свечной выручкой, ибо кто владеет деньгами, тот владеет всем”. Его почти не видели в духовном платье, а ходил он в поддевке или шинели. В обращении с окружающими был груб и циничен. Внешность имел неприятную. При всех этих отрицательных началах, ко дню Святой Пасхи был награжден митрой с возложением палицы и креста с украшениями»¹⁰. Первый обновленческий Собор решил было поставить его епископом в Ташкент, но протоиереи Боярский и Раевский рассказали о похождениях Коблова такое, что вопрос о хиротонии тут же отпал. Через некоторое время, однако, Красницкий и Новиков добились своего, и Николай Коблов был рукоположен в епископы¹¹.

Обновленческое «Временное Управление Саратовской Церкви» возглавил престарелый викарный епископ Николай (Позднев), живший в мужском монастыре. Очевидец этих событий церковный деятель Саратовской епархии А. А. Соловьев пишет, что верующие «объясняли это тем, что “старик выжил из ума”. Повидимому, такое объяснение было правильным, так как он вскоре от “живоцерковников” перешел к саратовским

¹⁰ *Сергий (Ларин), еп.* Обновленческий раскол. Машинопись. Астрахань; М., 1953. Т. 1–2. С. 269–270.

¹¹ См.: *Воробьев М., свящ.* Указ. соч. С. 178–179.

беглопоповцам, получив у них громкий титул “митрополита Саратовского и всея Руси”»¹². Переход этого архиерея к обновленцам не является чем-то удивительным. К примеру, в Москве на должность главы обновленческого ВЦУ на первых порах, для придания ему хотя бы видимости каноничности, был приглашен ничем ни примечательный 72-летний епископ города Верный (Алма-Ата) Леонид (Скобеев), проживавший в то время в Москве и никаким обновлением никогда не увлекавшийся. В Управлении епископ Леонид играл роль свадебного генерала.

Уже на следующий день после обновленческого собрания в Саратове, 12 июля 1922 года, епископ Иов подает в Губисполком заявление с просьбой разрешить собрание духовенства города Саратова и епархии и проводит это собрание, скорее всего, 13 июля, потому что 14 июля в Губисполком уже поступает донос из обновленческого Управления, в котором говорится, что по результатам собрания «с Еп. Николаем, прот. Русановым, прот. Пospelовым и проч. прекращено молитвенное общение, вследствие чего все эти лица фактически оказались устраненными от своих должностей... Временное Управление, доводя до сведения гражданской власти, просит воздействовать на Еп. Иова, чтобы с его стороны не принималось никаких репрессий к членам Временного Управления Церкви и Живой группы во избежание каких-либо инцидентов общественного характера. Вместе с тем Временное Управление Церкви просит не допускать Еп. Иова к занятию помещения канцелярии управления Церкви, находящегося на Никольской улице.

---

¹² Саратовская епархия в 1917–1930 гг. Мемориальная записка А. А. Соловьева.

Подпись: Председатель Управления Николай, Еп. Балашовский»¹³.

Тон доноса говорит в первую очередь о том, что Саратовское обновленческое Управление является фикцией, не имеющей никакого влияния и реальной власти без поддержки ОГПУ. В другом письме в Губисполком прямо говорится, что «у Сар. Епарх. Управления есть расчет в своей внешней или, лучше сказать, административно-церковно-общественной работе пользоваться содействием Советской власти. Как это ни странно, но без указанного содействия, по крайней мере на первых порах, Сар. Епарх. Управлению не обойтись». Далее приводятся конкретные примеры: устранены от своих должностей епископы Досифей и Иов, прот. П. Соколов и прот. В. Знаменский. «Но лишь только фанатики, а еще больше контрреволюционеры заметили, что советская власть не находит для себя нужным поддерживать постановления Сар. Епарх. Управления, как тут же тяжелый тормоз опустился на колеса этого Управления — ни соборные священники, ни монахи Крестовой церкви, ни монашки Крестовоздвиженского монастыря не подчиняются постановлению Сар. Епарх. Управления об устранении их от занимаемых должностей и не только продолжают свое служение, но даже демонстративно молятся за устраненных епископов — Иова и Досифея. Во внимание к изложенному, Сар. Епарх. Управление, как легальный церковно-общественный институт Р.С.Ф.С.Р., не располагающий принудительной силой, просит Саратовский Губернский Отдел Управления в потребных случаях оказывать этому Управлению содействие в административно-церковно-общественной

¹³ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 5–5 об.

работе и соответствующим образом в этом отношении информировать: уисполкомы, волисполкомы, селисполкомы»¹⁴.

В другом доносе в Губчека, видимо переправленном этим ведомством в Губисполком, о чем свидетельствует исправление адреса, сделанное красными чернилами, говорится: «Временное Управление Саратовской Церкви просит Губчека не разрешать собрание духовенства и мирян без согласия Временного Управления. Еп. Иов является устраненным от управления Епархией и как производящий провокацию и смуту в народе и как служащий г. Вольска — должен выехать в г. Вольск. Если он не выезжает, не подчиняется Временному Правительству (! — *Авт.*) и в связи с его личностью произойдет в Саратове волнение масс — Временное Управление снимает с себя ответственность, ибо о работе Иова, как будирующей настроению масс — и проповедями и тайными науськиваниями — сообщено в Губисполком и Губчека. *Подпись: Прот. С. Ледовский*»¹⁵.

В конце концов «живоцерковники», действовавшие при поддержке губернского исполкома и губернского отдела ГПУ, добились удаления епископа Иова из Саратова, и, видимо, не позднее 19 июля 1922 года он вынужден был выехать из Саратовской губернии.

После удаления из Саратова православного архиерея вся тяжесть борьбы с обновленцами легла на плечи мирян — членов церковных советов. «Руководящее значение в борьбе мирян против “живоцерковников” имел церковный совет при кафедральном соборе. Почти весь он состоял из интеллигенции. В него входили: инженеры Герасимов и Челинцев Ник[олай] Вас[ильевич],

¹⁴ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 38–39 об.

¹⁵ Там же. Л. 3–3 об.

юристы Петров Алексей Алекс[еевич] и я, главный бухгалтер банка Бочаров, ветврач Вышеславцев Ник[олай] Иван[ович], экономист Бунин Ник[олай] Иван[ович], талантливый поэт религиозно-мистического направления Галкин Александр Ефим[ович], Щука Георг[ий] Алекс[андрович] — человек образованный, начитанный, глубоко религиозный, Булыгина Варвара Дим[итриевна] — женщина образованная, культурная, Прозвешалова Мавра Георг[иевна] и староста Ивонтьев Павел Игн[атьевич]»¹⁶.

Необходимо иметь в виду то, что «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» лишил последнюю прав юридического лица, одновременно не признавая и ее иерархического устройства. Для советского законодательства формально не существовало ни епископов, ни священников, а были только «двадцатки» мирян, которым государство передавало на условиях аренды необходимое для совершения богослужений имущество (в том числе и храмы). Со священниками эти «двадцатки» должны были заключать типовые трудовые договоры найма. На практике, конечно, священника сначала направлял в храм своим указом архиерей, но в сложившейся ситуации церковные советы в полном соответствии с законом стали увольнять обновленческое духовенство.

В частности, церковный совет при кафедральном соборе постановил: «уволить священника Пospelова, вошедшего в состав “живоцерковного” епархиального управления, прекратить выдачу ему содержания и просить не являться более в храм для богослужения. Такое же постановление со значительным опозданием

---

¹⁶ Саратовская епархия в 1917–1930 гг. Мемориальная записка А. А. Соловьева.

было вынесено в отношении прот. Русанова, который, впрочем, после перехода к “живоцерковникам” в собор ни разу не являлся. По примеру кафедрального собора и другие церковные советы также уволили священников и дьяконов, признавших “ВЦУ”. Сделано это было очень быстро. Через каких-нибудь 2–3 недели у духовенства, порвавшего с Патриаршим управлением, осталось только два храма, в которых оно могло совершать богослужение: церковь Ново-Покровская и кладбищенская»¹⁷.

Обновленцы отвечают новыми доносами: «В Губисполком (копия в Губчека) <...> Коллектив верующих Собора г. Саратова, возглавляемый священником Быстрениным, включает в себя ряды контрреволюционной шайки, под флагом борьбы церковной создавая позицию, удобную для возмущения и нарушения общественного спокойствия, что выявляется из фактов: 1. Запрещение в службе и изгнание с должности прот. Русанова, Поспелова и диакона соборного храма. Мотив к сему — неподчинение сих лиц Еп. Иову, который, будучи устранен от управления Епархией, тайно руководит всей контрреволюционной шайкой г. Саратова <...>»¹⁸.

После приезда в Саратов нового уполномоченного ВЦУ протоиерея Н. Коблова обновленцы перешли в наступление. 1 августа 1922 года в Губисполком направлено уведомление о том, что «Постановлением Епархиального Управления за непризнание Высшего Церковного Управления уволены за штат и устранены от занимаемых должностей при церквях г. Саратова протоиереи Кафедрального Собора Александр Лебедев, священник того же Собора Валентин Быстренин, протоиереи Крестовоздвиженского женского монастыря Павел Соколов,

¹⁷ Саратовская епархия в 1917–1930 гг.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 2.

священник того же монастыря Владимир Захаркинский, протоиерей Богородице-Владимирской церкви Владимир Знаменский, диакон Иоанно-Предтеченской церкви Иринарх Введенский, и. о. псаломщика Вознесенско-Сенновской церкви Николай Златорунский, иеромонахи Крестовой церкви: Агапит, Серафим, Вениамин, Фома и Пантелеимон и иеродиакон, и Киновийской — иеромонах Роман, игумения Крестовоздвиженского женского монастыря Антония и послушники Преосвященного Досифея: Павел Гранкин, Александр Спиридонов и Михаил Полубояринов <...> Между прочим, вчера, 31 июля, назначенных Епархиальным Управлением для совершения вечерняго богослужения в Кафедральном Соборе священника К. Горизонтова и в Крестовой церкви прот. Леонида Поспелова не допустили к служению, в первой — прот. Александр Лебедев и во второй — иеромонахи и послушники, совершив богослужение сами»¹⁹. Из «Докладной записки» командированных в Крестовую церковь и часовню «Утоли моя печали» обновленческих священников: «10 октября с. г. мы снова были командированы в Крестовую церковь и часовню для отправления богослужения. Когда мы пришли туда, то встретили человек десять народу. Они спросили нас: “Вы опять пришли служить?”. Мы ответили, что да, пришли служить. Тогда они сказали, что у них был какой-то прокурор суда, который говорил, что они должны не допускать в церковь из нас никого, а если только мы явимся насильно, то будем за это отвечать»²⁰.

Начинаются махинации по захвату кафедрального собора: сначала обновленческое Епархиальное Управление подает в Губисполком дежурное отношение с просьбой

¹⁹ Там же. Л. 16–16 об.

²⁰ Там же. Л. 53.

разрешить традиционный крестный ход с водосвятием на Волгу 14 августа и получает соответствующее разрешение. Затем епископ Николай сообщает в Губисполком, что в Саратове крестный ход всегда начинался от кафедрального собора, к которому предварительно стекались крестные ходы от других церквей города. Ныне же он, епископ Николай, «не допускается к служению в этом Соборе, в силу чего крестный ход 14 августа не может быть совершен в том же порядке, в каком обычно он совершался в предыдущие годы. Это обстоятельство может вызвать разные кривотолки в народе и повлечь напряжение религиозного смущения среди верующих. В интересах церковного мира и для предупреждения какого-либо общественного беспорядка Сар. Епарх. Управление просит Сар. Губисполком в срочном порядке передать саратовский Кафедральный Собор со всем его имуществом новому коллективу верующих...»²¹.

А. А. Соловьев вспоминает, как осенью 1922 года «живоцерковники» во главе с уполномоченным ВЦУ священником Кобловым заняли насильно кафедральный собор и стали совершать в нем богослужения: «Наш церковный совет обратился к саратовскому прокурору с жалобой на их самоуправные действия. По этой жалобе прокуратура дала заключение в нашу пользу, и в соответствии с этим заключением нарсуд вынес решение, обязывающее “живоцерковников” освободить собор. Не считаясь с этим решением суда, священник Коблов явился в собор и пытался войти в алтарь, заявляя, что он будет совершать богослужение, однако, встретив физическое противодействие со стороны члена церковного совета Бунина и других, удалился из собора. Впрочем, вскоре Саратовский горсовет потребовал от нашего кол-

²¹ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 18–18 об.

лектива произвести ремонт собора на очень значительную сумму и, не получив немедленного согласия на это, передал собор коллективу “живоцерковников”»²².

В конце концов кафедральный Александро-Невский собор оказался в руках обновленцев, что, в общем-то, неудивительно. По всей стране власти отдали им кафедральные соборы и кладбищенские церкви. Первые — из-за престижа, вторые — из-за материальных доходов. В «Докладной записке» в бюро фракции РКП ВЦИК от 14 октября 1922 года Председатель бюро фракции РКП ГИК Ерасов так охарактеризует это событие: «Среди масс верующих движение не пользуется никаким авторитетом, и подавляющее большинство коллективов верующих не допускают к совершению обрядов тех священников, кои принадлежат к живоцерковцам. С большим трудом, осторожными действиями удалось для последних выделить центральный собор в городе, в котором они и отправляют религиозные обряды»²³.

В дальнейшем обновленцы будут давить именно на коллективы верующих, точнее, «двадцатки». 21 августа 1922 года епископ Николай сообщает Председателю Губисполкома: «Все члены советов коллективов верующих при приходских церквях Саратовской Епархии, не признающие ВЦУ, а также Саратовское Епархиальное управление, отлучаются от церковного общения впредь до раскаяния и из списков православных христиан должны быть исключены, а потому они не имеют права быть членами совета коллективов»²⁴. О таком

²² Саратовская епархия в 1917–1930 гг. Мемориальная записка Л. А. Соловьева.

²³ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 64 об.

²⁴ Там же. Л. 34.

давлении свидетельствует жалоба в Наркомюст от верующих Александро-Невского собора, Крестово-Успенской, Сергиевской, Владимирской, Никольской и Киновийской церквей на то, что местная власть препятствует им в свободном отправлении культа, удаляя целый ряд священнослужителей, а Губисполком принуждает группы верующих отказаться от договора аренды храма в пользу ВЦУ²⁵.

Аналогичные меры по захвату женского Крестовоздвиженского монастыря оказались менее удачными. 24 августа 1922 года епископ Николай и члены обновленческого Епархиального Управления направляют в Губисполком заявление: «Ввиду явной контрреволюционной деятельности Настоятельницы Саратовского Крестовоздвиженского монастыря игумении Антонии, журнальным постановлением ВЦУ от 4 августа с. г. (протокол № 29) она уволена от должности настоятельницы и переведена в число сестер женского монастыря в селе Сурах, Астраханской Епархии. Саратовское Епархиальное Управление слагает с себя всякую ответственность за дальнейшее пребывание игумении Антонии в г. Саратове»²⁶. 16–29 сентября 1922 года выдан мандат за подписью епископа Николая: «Предъявитель сего, протоиерей Свято-Троицкого собора г. Саратова о. Евгений Вторин, уполномочен Саратовским епархиальным управлением согласно распоряжению ВЦУ от 6 сентября с. г. № 867 заведовать Крестовоздвиженским женским монастырем г. Саратова и монашествующими при нем сестрами. Прот. о. Е. Вторин должен:

1. Обязать монашествующих подпиской выполнить все требования его, основанные на распоряжении ВЦУ и местного епархиального управления.

²⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 26. Л. 68.

²⁶ Там же. Л. 35.

2. Принять в свое распоряжение в течение трех дней с момента назначения его все средства монастыря, о чем и сообщить Епархиальному управлению.

3. а) Предоставить отчет о движении сумм по женскому монастырю и б) оказывать содействие монашествующим при переводе их из г. Саратова в провинциальные монастыри, куда они выселяются распоряжением власти»²⁷.

Водвориться в монастыре обновленцам не удалось из-за мужества и юридической грамотности игумении Антонии. В рапорте уполномоченного читаем: «...Прибыл в женский монастырь, где имел разговор с председательницей общины Антонией Станиславовной Заборской, каковой был предъявлен мандат. Заборская нашла содержание мандата не соответствующим действительности, т. к. монастыря не существует, а если есть храм при монастыре, то таковой состоит в ведении коллектива, заключившего своевременно соглашение с соввластью...»²⁸. Обновленческое ВЦУ, проведя работу над ошибками, выдает второй мандат священнику Александру Мездрикову и диакону Емелиану Горизонтову от 29 сентября 1922 года. На этот раз они уполномочиваются заведовать Никольской церковью бывшего женского монастыря города Саратова. Последним в монастыре также было отказано, причем «было добавлено, что они никакого Епархиального управления не признают, кроме Епископа Досифея»²⁹.

²⁷ Там же. Л. 58–58 об.

²⁸ Там же. Л. 59–59 об. Практически все монастыри в Советской России были ликвидированы в 1919–1922 гг. в ходе большевистской кампании по вскрытию и изъятию святых мощей. Однако многим из них удалось сохранить общинную жизнь и монастырские постройки, зарегистрировавшись как трудовые артели. Так, женский монастырь стал «Крестовоздвиженской трудовой женской артелью».

²⁹ Там же. Л. 60–63.

И все же к концу 1922 года некоторые саратовские храмы перешли в руки «живоцерковников», в том числе и кафедральный собор. Примирилась с ними и часть церковных советов. По воспоминаниям А. А. Соловьева, у православных осталось восемь церквей: «Троицкий “старый” собор, Сергиевская, храм при женском монастыре, храм при киновии, Старо-Покровская, Маминская и крестовая, перешедшая в небольшую старинную единоверческую церковь Михаила Архангела»³⁰.

Главной причиной такого успеха «живоцерковников» было отсутствие в Саратове православного архиерея. А. А. Соловьев вспоминает о своих переговорах с епископом Уральским Тихоном (Оболенским), жившим в Покровске: «Избрали делегатов к нему: о. Павла Соколова от духовенства и меня от мирян, уполномочив нас просить еп. Тихона принять на себя управление Саратовской епархией. Мы переехали Волгу и явились к нему на домашнюю квартиру. Были приняты им очень любезно. Мы ему рассказали обо всех наших саратовских делах и убедительно просили его принять временное управление епархией в соответствии с церковными канонами, согласно которым, при невозможности сношения с высшим церковным управлением, епископы должны принимать управление над соседними, фактически “вдовствующими” епархиями. На все наши убедительные просьбы еп. Тихон ответил решительным отказом. Он сказал нам: “Вы просите, чтобы я сел на горячую сковородку. Я не хочу”. Мы сознавали, что всякий епископ, не признающий “ВЦУ”, действительно мог очень быстро “испечься” в Саратовской епархии, но все же были сильно огорчены: во-первых, тем, что за обновленца-

---

³⁰ Саратовская епархия в 1917–1930 гг. Мемориальная записка А. А. Соловьева.

ми сохранялось то преимущество, что они имели епископа, а у нас его не было, а затем и некоторым малодушием еп. Тихона»³¹.

Единственной возможностью выйти из такого положения была хиротония нового Саратовского епископа. Стали искать кандидатов. А. А. Соловьев так вспоминает об этих событиях: «В то время в Саратове было два архимандрита: о. Евфимий, настоятель крестовой церкви, и о. Николай, игумен небольшого скита, находившегося около мужского монастыря. О. Евфимию было около 80-ти лет. Это был почтенный старец, но уж слишком дряхлый, к тому же почти без всякого образования. О. Николай был человек замечательный, имел славу прозорливца, к нему многие обращались за советами по разным жизненным вопросам. <...> К сожалению, о. Николай был слабенький, хворенький и к тому же уродец: он был горбунчик, ростом аршина полтора. Это не мешало ему пользоваться всеобщим уважением, но для управления епархией, да еще в такое, как тогда, время, он был, конечно, неподходящ. Все другие монахи были люди простые, неученые. Среди вдовых священников были хорошие кандидаты: о. Павел (Соколов.— *Авт.*) усиленно выдвигал кандидатуру петровского священника Марина, бывшего члена Поместного Собора (Марин Михаил Федорович — священник, законоучитель реального училища в г. Петровске.— *Авт.*). О нем все говорили как о человеке очень образованном, умном и глубоко порядочном. Другим кандидатом был сам о. Павел, к тому времени овдовевший. Наконец, был еще кандидат, о. Анатолий Комаров, бывший законоучитель саратовской н<...>ой гимназии. О. Анатолий ничем не выделялся, но было известно, что он

³¹ Там же.

давнишний кандидат в епископы, выдвигаемый преосвященным Досифеем (Протопоповым). С Мариным снеслись, но окончательного ответа от него не получили. Между тем жизнь не ждала. Тогда о. Павел дал согласие на рукоположение. Решено было пригласить для этого в Саратов двух епископов: Варлаама (Пикалова), бывшего лет пять тому викарием Вольским и жившего не у дел в городе Белеве у своих родителей, и епископа Иова (Рогожина), уехавшего на Кавказ. От обоих было получено согласие. <...> В скиту, ночью епископ Варлаам (Пикалов) и епископ Иов (Рогожин) рукоположили о. Павла, принявшего монашество с именем Петра, во епископа Сердобского, а архимандрита Николая (Парфенова) во епископа Аткарского. На хиротонии присутствовали только монахи скита и два-три человека из мирян (Щука, Вышеславцев и еще кто-то, не помню). Все хранилось в глубокой тайне и делалось как можно быстрее. На другой день после хиротонии Варлаам (Пикалов) и Иов (Рогожин) уехали из Саратова»³².

Итак, в Саратове появился православный архиерей. 14 (27) мая 1923 года, на день Святой Троицы, владыка Петр (Соколов) отслужил всенощную в Крестовой церкви, а на другой день в Троицком соборе (старом) была совершена торжественная Литургия и молебен.

«В течение двух-трех дней все саратовские священники и дьяконы явились к владыке Петру [Соколову] с просьбой принять их в церковное общение. Не явилось лишь несколько обновленцев, которые, кстати сказать, были не саратовцами, а приезжими. Еп. Петр требовал от духовенства покаяния, соединенного с публичным признанием своей вины в храмах. Члены церковных

³² Саратовская епархия в 1917–1930 гг. Мемориальная записка А. А. Соловьева.

советов — миряне принимались без всяких формальностей. Предполагалось, что и они принесут покаяние на своей исповеди. Не прошло и двух недель, как все саратовские церкви, за исключением кладбищенской, Ново-Покровской и кафедрального собора, были под управлением еп. Петра (Соколова). После этого начало ежедневно приезжать духовенство и миряне из уездов. Люди толпились в квартире владыки Петра с утра до вечера: сидели в комнатах, в прихожей, сидели на лестнице. Примерно через месяц вся Саратовская епархия, за исключением двух-трех церквей в уездных городах, была присоединена. Стали приезжать верующие из других епархий. Приехала делегация из Астрахани. <...> Приезжало также духовенство и миряне из Уральской, Пензенской и Самарской епархий. Владыка Петр принял эти епархии в свое временное управление»³³.

Неудивительно, что столь активная деятельность владыки Петра привела к его скорому аресту. Вместе с ним арестован еще 31 человек — православные священнослужители и миряне Саратовской епархии (в том числе и А. А. Соловьев), которые, по мнению уполномоченного ОГПУ, «под видом религиозного общества создали тайную организацию духовенства и монархически настроенных мирян, которая путем агитации и пропаганды монархических идей, распространения контрреволюционных и провокационных слухов и использования религиозных предрассудков и церковных распрей стремится вызвать массовое волнение и возбуждение населения против Соввласти с целью свержения таковой»³⁴. На следствии по существу заданных вопросов епископ Петр показал: «Никакой организации вокруг

³³ Там же.

³⁴ Архив УФСБ по Саратовской области. ОФ 10269. Л. 15.

меня не существует, т. е. организации, которая имела бы цель борьбы с Соввластью, лично ни в какой подобной организации не участвую, и про существование такой мне ничего не известно»³⁵. Приговор — «заключить в концлагерь сроком на 3 года»³⁶.

По свидетельству А. А. Соловьева, после его освобождения в декабре 1923 года «у “живоцерковников” по-прежнему было лишь три храма: кладбищенская церковь, Ново-Покровская и новый собор. Из каких-то проходимцев они сколотили свои коллективы верующих»³⁷.

Вернувшись в Саратов в 1930 году, А. А. Соловьев обнаружил, что «“живоцерковники” забились на кладбище и ничем себя не проявляли. В городе у них оставалась одна Ново-Покровская церковь. Кафедральный собор, переданный им в 1923 году, был закрыт как почти никем не посещаемый. Наверное, сами же “живоцерковники” сдали его адмотделу, ссылаясь на его непосещаемость, а тем самым ненужность. Ни один из других храмов за годы НЭПа в Саратове не был закрыт. В остальных 24-х храмах богослужение совершалось духовенством, состоящим в каноническом подчинении Местоблюстителю (точнее, Заместителю Местоблюстителя) Патриаршего престола митрополиту Сергию (Страгородскому). Едва ли в каком-либо другом городе было такое хорошее положение Церкви. Казалось, что наши труды 1922–[19]23 годов не пропали даром»³⁸.

Последнее упоминание о саратовских обновленцах относится к 1934 году. А. А. Соловьев пишет, как к нему

³⁵ Архив УФСБ по Саратовской области. ОФ 10269. Л. 20.

³⁶ Там же. Л. 360.

³⁷ Саратовская епархия в 1917–1930 гг. Мемориальная записка А. А. Соловьева.

³⁸ Там же.

в юридическую консультацию явились члены совета Серафимовской церкви и рассказали следующее: «Два дня тому назад, в то время, когда церковный сторож закрывал двери храма, явился обновленческий священник с толпой каких-то оборванцев и потребовал передать ему ключи от храма. Конечно, сторож отказался. Тогда оборванцы схватили его за горло и стали отнимать ключи насильно. Тот стал кричать, сбежался народ, оборванцев разогнали. Следует объяснить, откуда взялись эти оборванцы, пришедшие с обновленческим священником. Все саратовские “живоцерковники” гнездились на Воскресенском кладбище. Там жило несколько их священников, там жил и их “епископ”. Оборванцы тоже жили там — в полуразрушенных могильных склепах. Я написал жалобу саратовскому прокурору с просьбой привлечь обновленческого священника к ответственности за организацию насилий и хулиганства. Вскоре такая же толпа оборванцев, притом даже, кажется, во главе с самим обновленческим “епископом”, явилась во время обедни к Старо-Покровской церкви в воскресный день, то есть когда в храме бывает много народа. Эту толпу оборванцев оттуда прогнали, как и от Серафимовской церкви. При этом кое-кто из народа не удержался и пустил им вслед кирпичи, ребяташки же стреляли в них из рогаток с соседних дворов. Когда мне об этом рассказали, я сразу понял, что это провокация со стороны обновленцев, имеющая целью возбудить волнение в народе и этим создать предлог для закрытия храма»³⁹.

В 1930-е годы нужда в заигрываниях с обновленцами у советской власти отпала полностью. Выступая на Втором Всесоюзном съезде Союза воинствующих безбожников, его председатель Емельян Ярославский

³⁹ Там же.

особо остановился на обновленцах: «Какой-нибудь обновленческий поп, у которого не такие широкие рукава, который одевается как будто бы по-модному, не носит длинных ряс, такой поп, по существу дела, более опасен, чем поп, который представляет из себя смешную фигуру со своими длинными волосами...»⁴⁰.

Неудивительно, что и оставшиеся обновленцы никакими обновленцами на самом деле не являлись. Давно были забыты попытки богослужебных реформ, давно отказались от новаторства в богословии, после «Декларации» 1927 года митрополита Сергия (Страгородского) отпала и политическая мотивация раскола. Мне видятся две причины, по которым раскол продолжал существовать в 30-е годы: взятый партией курс на полное уничтожение Церкви, которому противоречила бы любая ее консолидация, и тривиальные канонические препятствия — женатые епископы и второбрачные клирики не могли воссоединиться с Московской Патриархией в сущем сане. Скорее всего, обновленческий раскол в Саратовской епархии прекратил свое существование где-то в середине 30-х годов. Конец раскола во всесоюзном масштабе наступил после 1943 года. Сделав ставку на сотрудничество с Московской Патриархией, И. В. Сталин устранил последние остатки обновленчества.

---

⁴⁰ Стенографический отчет Второго Всесоюзного съезда Союза воинствующих безбожников. М., 1930. С. 63.